

Э.С. Алпатова

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА ИЛИ ВЕТВЬ МАТЕМАТИКИ?

Рассматривается один из важнейших аспектов современной экономической науки, связанный с чрезмерным распространением статистико-математических методов научного исследования. Приведены аргументы pro и contra известных ученых, экономистов по поводу тезиса о роли экономико-статистических измерителей в современной науке. Сделан вывод о необходимости математической формализации, но лишь в качестве инструмента экономического исследования, а не самоцели, какой она зачастую является.

Ключевые слова: экономическая наука, математические модели, эконометрические методы, математическая формализация, аутизм экономической науки, «математическая чрезмерность», вербальная форма мысли.

E.S. Alpatova

ECONOMIC SCIENCE OR A BRANCH OF MATHEMATICS?

The article examines one of the most important aspects of modern economic science related to the excessive dissemination of statistical and mathematical methods of scientific research. Arguments of famous scientists, economists pro and contra thesis on the role of economic and statistical meters in modern science are given. It was concluded that mathematical formalization is necessary, but only as an instrument of economic research, and not as an end in itself, which it is often.

Keywords: economic science, mathematical models, econometric methods, mathematical formalization, autism of economic science, “mathematical excessive”, verbal form of thought.

Вопрос о том, является ли экономическая теория действительно экономической наукой или ветвью математики – один из самых дискутируемых в современной экономической науке. Своевременная постановка его связана с беспрецедентным ужесточением требований к научным работам в современной мировой и – вслед за ней – в российской экономической науке. Уже практически не принято оспаривать необходимость соответствия научного текста трем требованиям: они должны подтверждаться 1) теорией (математическими моделями), 2) эмпирическим материалом (эконометрическими расчетами) и 3) типовыми ситуативными примерами

(кейс-стади). Так, по мнению Дэни Родрика, автора известной книги «Экономика решает: сила и слабость “мрачной науки”», неоспоримая сила экономической науки заключается в сосуществовании в ней большого множества разнообразных моделей, за которыми стоят всевозможные теоретические подходы [6].

Как это обычно бывает, подобная требовательность продиктована «благими намерениями» – стремлением повысить научность и правдоподобие научных результатов. В действительности, совершенно в соответствии с продолжением пословицы, гарантировать качественный научный результат не всегда получается,

Алпатова Эльмира Сунгатовна

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики Российского нового университета. Сфера научных интересов: экономика России, мировая экономика, банковская система. Автор 164 опубликованных научных работ.

E-mail: 589elsa@gmail.com

поскольку математические построения не исключают ошибки исследователя. Скорее, достигается побочный эффект в виде выработки совсем слабых научных работ.

Математические модели, предлагаемые экономистами, быстро устаревают, эконометрические методы по определению имеют вероятностно-статистический характер, а подобрать нужные примеры можно практически всегда. Так, например, кривая Филлипса перестала быть актуальной в 70-х гг. XX в., когда продолжительные активные действия государства на рынке труда способствовали изменению уровня безработицы и уровня инфляции в одном направлении. Другой классический пример: межотраслевые модели В. Леонтьева типа «затраты–выпуск», будучи инструментарием высокой экономической науки, не используются систематически, поскольку, как и в случае с кривой Филлипса, исчезла экономическая основа их применения в связи с постоянным генерированием инноваций, способных принципиально изменить матрицу прямых затрат модели.

Тем не менее, в современной экономической науке критерием научности является измерение и применение математики, без этого экономические исследования не могут претендовать на статус прорывных открытий. Сами ученые высказываются pro и contra по поводу тезиса о роли экономико-статистических измерителей в современной науке. Так, С.М. Гурьев, справедливо отмечая прорыв, произошедший

за последние 30–35 лет в качестве данных, преимущественно эконометрических методов их исследования и причинно-следственных связей между ними, что позволило экономической науке стать гораздо более строгой и количественной [2], считает: «Только при помощи количественных аргументов наука умеет решать, какие теории верны, а какие – нет». С точки зрения автора, это не вполне соответствует действительности.

Пристрастие к математической форме выражения экономического содержания испытывает значительная часть экономистов, исповедующая «ультра-дедуктивизм», являющийся специфическим выражением формулы «чистой науки». Это, главным образом, представители мейнстрима – неоклассической экономической доктрины. Направление «чистой политической экономии», ставшее модным в 20–30-х гг. XX в. с подачи Л. Вальраса с его «теорией общего равновесия», быстро затем сошло с подиума, но сохранилось в умонастроениях экономистов – представителей «математической экономики». М. Блини и И. Стюарт справедливо отмечают: «Привлекательность математики заключается, очевидно, в ее возможностях обеспечения строгости». Многие экономисты придерживаются более категоричной позиции, согласно которой «только математика обеспечивает строгость!» В экономических дискуссиях они часто приводят следующий

силлогизм: если «истинно только несомненное» (Р. Декарт), а «несомненно только то, что можно измерить и выразить числом» (Д. Юм, К.Дж. Ланкастер), то «в теории столько науки, сколько в ней математики» [5.]

Впрочем, не менее категоричны заявления противников такой позиции. Дж.М. Кейнс, рассуждая о «крупном дефекте формализации экономического анализа с помощью псевдоматематической символики», писал: «... Слишком большая доля современной “математической экономики” представляет собой, по существу, простую мешанину, столь же неточную, как и те первоначальные допущения, на которых она основывается...» [4, с. 372–373]. А. Эйнштейн вообще утверждал, что с помощью математики можно доказать все, что угодно, даже полную чушь. Но, пожалуй, наиболее резко выразился известный французский экономист, лауреат Нобелевской премии, Морис Алле, который в распространности «математической чрезмерности» увидел проявление «математического шарлатанства» [1, с. 11].

Разумеется, ни один здравомыслящий, что называется, в трезвом уме и ясной памяти, исследователь, не станет отрицать необходимость использования математического инструментария. Речь идет лишь о том, что математическую формализацию следует рассматривать именно как инструмент, а не возводить ее в ранг самоцели. Использование формализации, несомненно, облегчает построение моделей, поскольку обеспечивает получение результата, который вытекает из логики первоначальных гипотез и, тем самым, зачастую придает тексту видимое наукообразие, но не решает экономических проблем. Складывается ситуация, которую можно охарактеризовать как потерю связи

с реальным миром, своеобразную шизофрению по отношению к реальности.

В 2000 г. французские студенты-экономисты выступили с протестом против «аутического» характера преподаваемых экономических дисциплин, имевшим большой резонанс в национальном экономико-академическом истеблишменте. Это выступление породило усиливающееся международное движение, которое видит в аутизме характерную черту доминирующего сегодня направления экономической науки и экономического образования в высшей школе. Острые критики направлены против абстрактных экономических теорий, оторванных от экономической реальности и ее проблем, отсутствия реакций на сигналы из внешней среды, а также против неэкспериментального характера экономической науки. Это утверждение верно и в отношении советско-российской экономической науки: достаточно сказать, что советские студенты изучали политическую экономию социализма, тотально подвергавшую критике «буржуазные» экономические теории, а нынешние студенты изучают экономику как ценностно нейтральную науку о человеческом поведении в условиях рыночной экономической системы.

Следует признать, что бесконтрольное использование математики усиливает аутизм экономической науки, поскольку математическому образу мышления в принципе свойственно исходить исключительно из внутренней логики самих математических конструкций, которые могут не иметь отношения к реальности. На практике это приводит к тому, что повышенные требования к знанию математики и статистики на экономических факультетах западных университетов закрывают путь в науку творчески мыслящим экономистам, а док-

торские (PhD) степени нередко защищаются физиками и математиками, которые слабо ориентируются в экономических вопросах [3, с. 149].

Очевидно, современный экономист-исследователь должен быть социально ангажированным, нацеленным, прежде всего, на научное решение актуальных проблем общества, продвигающих его к социальному государству, а не на формальное соответствие требованиям, предъявляемым международным экономическим сообществом. Еще русский философ Н.А. Бердяев обращал внимание на эту специфику славянского мышления – догматическое усвоение западных идей и учений русской интеллигенцией.

Если после Второй мировой войны в американской экономической науке наблюдался мощный прилив математиков, то в настоящее время, по мнению некоторых экспертов, экономическая наука нуждается в мощном притоке политологов. В этом смысле российской экономической науке есть с кого брать пример – с немецкой историко-этической школы конца XIX – начала XX вв. и классического (традиционного) институционализма периода между двумя мировыми войнами, занимавшихся исследованием недостатков рыночной экономики и ее реформированием в интересах большинства населения.

Соответственно, экономическое образование в постсоветской России, продвижение которого в основном измеряется сложностью используемого математического аппарата, должно быть направлено, главным образом, на исследование социально-политической и экономической реальности, а не на изучение в основном схоластических теорий.

В связи с этим, думается, настало время в экономической науке вернуть слову как универсальному орудью мысли ту значимость, которую оно заслуживает, поскольку среди экономистов нередко звучат утверждения о принципиальной ущербности вербальной формы мысли. Возможно, эта традиция восходит к В. Парето, который заявлял, что «слова – ничто, а вещи – все», а также к М. Фридмену, уподобившему слово «бирке на музейном экспонате». По-видимому, эти заявления о ничтожности слова объясняются тем, что оба ученых являются представителями не столько собственно экономической науки, сколько «математической экономики» и ставят математику выше словесности и языкознания. Между тем «математическая логика» тоже возникла на основе логики естественного языка, а не на какой-то иной почве, и для доказательства своих структур математики используют те же самые слова. Впрочем, даже внутри неоклассической школы есть крупные ученые, которые требуют эмпирической проверки гипотез, используемых для построения математических моделей.

Таким образом, в экономической науке наметился кризис методов экономического исследования, одним из аспектов которого является тезис о «математической формализации» как необходимом элементе якобы любой парадигмы. Очевидно, в российской экономической науке должен быть найден разумный баланс между «математической чрезмерностью» экономического знания, с одной стороны, и необходимостью количественных измерений, создающей условия для использования инструментария математики, – с другой.

Литература

1. Алле М. Современная экономическая наука и факты // THESIS, 1994. Т. 2, вып. 4. С. 11–19.
2. Гуриев С.М. Современная экономическая наука. Часть 1: видеолекция / Российская экономическая школа – YouTube [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XsfvOFSPY0w> (дата обращения: 24.02.2021).
3. Ефимов В.М. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики: монография. М.: КУРС: ИНФРА-М, 2016. 352 с.
4. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ. В.Г. Гребенникова, А.Ф. Канделя, Р.И. Капелюшниковой, Т.А. Колосовой, Р.М. Энтова. М.: Прогресс, 1978. 496 с.
5. Московский А.И. Экономическая наука сегодня и проблемы научно-технологического развития / Альтернативы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.alternativy.ru/ru/content/ekonomicheskaya-nauka-segodnya-i-problemy-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya> (дата обращения: 26.02.2021).
6. Родрик Д. Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки» / пер. с англ. Е. Головленицыной. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 256 с.

References

1. Allais M. (1990) La science économique d'aujourd'hui et les faits [Modern Economics and Facts]. *Revue des Deux Mondes*, juin 1990, p. 54–74. (in French).
2. Guriev S.M. (2010) *Sovremennaya ekonomicheskaya nauka. Chast' 1: videolektsiya* [Modern Economics. Volume 1: Video Lecture]. *New Economic School – YouTube*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=XsfvOFSPY0w> (Date of the Application: 24.02.2021). (in Russian).
3. Efimov V.M. (2016) *Ekonomicheskaya nauka pod voprosom: inye metodologiya, istoriya i issledovatel'skie praktiki* [Economic Science in Question: Other Methodology, History and Research Practice]. Moscow, KURS: INFRA-M. 352 p. (in Russian).
4. Keynes J.M. (2018) *The General Theory of Employment, Interest and Money*. London, Palgrave Macmillan. 404 p. DOI: 10.1007/978-3-319-70344-2
5. Moskovskij A.I. (2013) *Ekonomicheskaya nauka segodnya i problemy nauchno-tehnologicheskogo razvitiya* [Economics Today and Problems of Scientific and Technological Development]. *Al'ternativy*. Available at: <https://www.alternativy.ru/ru/content/ekonomicheskaya-nauka-segodnya-i-problemy-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya> (Date of the Application: 26.02.2021). (in Russian).
6. Rodrik D. (2015) *Economics Rules: The Rights and Wrongs of the Dismal Science*. N. Y., W.W. Norton & Company. 272 p.